

Налаживание военно-экономического сотрудничества СССР с США и Великобританией в 1941 году

С. М. Монин*

Центральной задачей советской дипломатии после начала Великой Отечественной войны стало создание антигитлеровской коалиции. Трагическое положение на фронте, где Красная Армия отчаянно сопротивлялась, но вынуждена была с колоссальными потерями в людях и вооружениях отступать вглубь страны, требовало не только мобилизации всех сил своей страны, но также усилий по скорейшему получению военно-экономической помощи из-за рубежа. Главные надежды при этом Москва возлагала на Великобританию, уже сражавшуюся с Гитлером, и на США, еще не вступившие в войну, но однозначно заявившие о неприемлемости нацистской экспансии и готовности поддержать тех, кто ей противостоит.

Между тем наладить отношения с новыми союзниками было очень непросто. Москве предстояло пересмотреть многие свои оценки, постулаты и лозунги, избавляясь от догматических представлений и убеждений в отношении «буржуазных демократий». Надо было выправлять то зачастую неблагоприятное впечатление, которое на Западе произвели действия Москвы в начальный период Второй мировой войны, пусть даже они и были направлены на обеспечение жизненно важных интересов Советского государства.

Особенно сложными были отношения России с Великобританией. Вся их история со времен Петра I представляла собой в значительной, а в XIX веке — в решающей степени — геополитическое соперничество (за исключением периодов совместной борьбы против наполеоновской Франции и кайзеровской Германии), дополнившееся после 1917 года идеологическим противоборством. Не располагало к союзу

и то, как развивались эти отношения накануне и в начале Второй мировой войны, хотя, казалось бы, очевидная угроза обеим странам со стороны Третьего рейха должна была подтолкнуть их к сближению.

Москве трудно было забыть роль англичан в срыве тройственных переговоров по созданию антигерманской коалиции весной–летом 1939 года, что толкнуло СССР на сближение с Берлином в надежде таким путем обеспечить свои интересы. Спасать своего официального союзника Польшу британцы не стали, зато с готовностью собрались отправить войска в Финляндию во время «зимней войны», да еще и Баку бомбить намеревались. И все же критическое положение Советского Союза делало его более открытым к сотрудничеству, готовым принять поддержку от тех, кого еще недавно клеймили как «империалистов» и «поджигателей войны».

Со своей стороны, в Лондоне никак не могли успокоиться по поводу того, что СССР не дал втянуть себя в мировую войну в самом ее начале, а вот Англии воевать все-таки пришлось. Причем после падения Франции она фактически в одиночестве вынуждена была противостоять Гитлеру (и делала это с упорством, не склонив головы перед врагом), а СССР ей в этом как минимум никак не помог. Позднее в своих мемуарах британский премьер У. Черчилль, говоря о роковом просчете И. В. Сталина относительно времени нападения Германии на Советский Союз, не без злорадства указывал на «ошибочность и тщетность хладнокровных расчетов советского правительства и колоссальной коммунистической машины и их поразительное незнание собственного положения. Они проявили полное безразличие к участи западных

* Сергей Михайлович Монин — к. и. н., профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД России.

держав...». А потому стоит вспомнить Немезиду — античную «богиню возмездия, которая разрушает всякое неумеренное счастье, обуздывает сопутствующую ему самонадеянность... и карает особо тяжкие преступления»¹. Эти рассуждения едва ли были плодом спокойных, взвешенных размышлений: до 22 июня 1941 года СССР не был союзником Великобритании и не обещал ей помощь.

Однако жесткие реалии военного времени требовали от ответственных политиков, не потерявших способность рационально мыслить, отбросить эмоции и исходить именно из складывавшейся на тот момент геополитической ситуации. Тот же У. Черчилль, прекрасно знавший историю, считал, что «история всех коалиций — это длинное повествование о бесконечных жалобах союзников друг на друга». И, тем не менее, он без обиняков заявлял: «Хуже союзников может быть только война без союзников»². Советский посол И. М. Майский охарактеризовал отношения между двумя странами в течение года, предшествовавшего операции «Барбаросса», как «холодно враждебные»³. Хотя реальность, возможно, была не столь однотонной.

Точнее можно сказать, что в этот период Англия стремилась «навести мосты», а СССР — не сжигать их⁴. Через три дня после капитуляции Франции, 25 июня 1940 года, У. Черчилль отправил свое первое личное послание И. В. Сталину, в котором подчеркивал желательность восстановления контактов между Лондоном и Москвой для обсуждения любой из проблем, «возникших в связи с нынешней попыткой Германии проводить в Европе... политику завоевания и поглощения»⁵. Ответа в Лондоне, правда, не получили. В апреле 1941 года У. Черчилль адресовал Москве еще одно письмо с предостережением насчет германской опасности. Когда предчувствие грядущего столкновения Германии с СССР стало особенно сильным, У. Черчилль в послании президенту США Ф. Рузвельту от 15 июня заявил, что «если разразится эта новая война, мы, конечно, окажем русским всемерное поощрение и помощь, исходя из того принципа, что враг, которого нам нужно разбить, — это Гитлер». В ответном письме глава Белого дома обещал, что при нападении немцев на Россию он немедленно публично поддержит «любое заявление, которое может сделать премьер-министр, приветствуя Россию как союзника»⁶.

Англичане первыми сделали шаги в направлении достижения взаимопонимания с Москвой. 21 июня находившийся в тот момент в Лондоне британский посол в СССР С. Криппс заявил советскому послу в Великобритании И. М. Майскому, что в случае атаки Германии на Советский Союз в Москву «британское правительство не допустит никакого промедления в оказании СССР... той помощи, на которую оно будет способно»⁷. Намерение Великобритании и США поддержать СССР не было удивительным: при открытии Гитлером Восточного фронта непосредствен-

ная угроза вторжения немцев на Британские острова практически отступала и шансы англичан на выживание резко повышались.

22 июня 1941 года жители туманного Альбиона действительно смогли вздохнуть с облегчением. Вечером этого дня премьер-министр Великобритании произнес по радио речь, которую многие сочли шедевром ораторского искусства и одним из лучших его публичных выступлений за долгую политическую карьеру. Известив своих слушателей, что война вступила в новый этап, когда, «воспользовавшись наивностью и доверием русских», и грубо нарушив все действующие договоренности и международное право, Германия обрушилась на Россию. Хотя он, У. Черчилль, «открыто и прямо предупреждал Сталина, что его ждет». Не пожалев красок для характеристики Гитлера («зловонное чудовище, одержимое стяжательством и ненасытной жаждой крови», «кровожадный ублюдок»), премьер обрисовал перспективы дальнейшего движения нацистов до Индии и Китая.

У. Черчилль не преминул напомнить о своем убеждении, что «нацистский режим в принципе ничем не отличается от худших проявлений коммунизма... За последние четверть века в мире не было другого такого последовательного врага коммунизма, как я. Я и сейчас не отказываюсь ни от одного своего слова по этому поводу. Но преступления коммунистов меркнут на фоне того ужасающего зрелища, которое мы наблюдаем сейчас. Прошлое со всеми его трагедиями, неудачами и просчетами отступает на задний план. На переднем плане, на линии фронта русские солдаты бесстрашно встают на защиту своей земли», тогда как «унылая серая масса безупречно вымуштрованной гуннской солдатни, похожая на стаю саранчи, неумолимо наступает, сметая все на своем пути».

Премьер-министр изложил программу действий своего правительства. «...У Британии ныне одна главная и неизменная цель — уничтожить Гитлера и искоренить нацистский режим. Ничто не заставит нас отказаться от этой цели. Мы не пойдем ни на какие переговоры с Гитлером или с кем бы то ни было из его шайки. Мы будем сражаться с ним на земле, на море и в воздухе, пока, с Божьей помощью, не избавим землю от этого проклятия и не освободим поработанные народы. Каждый, кто борется против нацизма — будь то отдельный человек или целое государство, — может рассчитывать на нашу помощь... Из этого следует, что мы окажем России и русскому народу любую посильную помощь в борьбе с Германией. Мы обращаемся к нашим друзьям и союзникам по всему миру с просьбой поступить точно так же...». И далее. «...Если Гитлер воображает, будто его нападение на Советскую Россию вызовет хотя бы малейшие разногласия по поводу основных целей между великими демократиями... и заставит их ослабить напор борьбы, то он заблуждается».

У. Черчилль предупреждал, что этот «злодейский поступок» Гитлера (нападение на Россию) имеет «еще один, гораздо более глубокий мотив. Гитлер..., одержав верх на Восточном фронте, ... сможет вновь перебросить свои основные ... силы на запад и обрушить их на наш остров, ведь пока он не покорит Британию, ему неминуемо грозит наказание за все его тяжелейшие преступления. Вторжение нацистов в Россию — лишь прелюдия к будущей попытке завоевания нашей страны». Отметив прием Гитлера «поочередного уничтожения противников», премьер заключил: «Поэтому нависшая над Россией угроза — это угроза и нам, и Соединенным Штатам, а дело каждого русского, вставшего на защиту своего очага, — это дело всех свободных людей и народов повсюду на земном шаре... Давайте теснее сомкнем наши ряды и ударим по врагу все вместе, пока мы живы и у нас есть еще силы»⁸.

Выступление У. Черчилля, первым из руководителей иностранных государств громко заявившего о поддержке СССР, произвело сильное впечатление в стране и за ее пределами. То, что британский премьер — убежденный и ярый антикоммунист, ни для кого не было секретом. Главное было в другом. Он четко и ясно заявил, что англичане будут сражаться до победы, ни о каком мире с Гитлером речи быть не может (это было особенно значимо в связи с «делом Гесса»), а русские теперь для них — союзники. Советский посол И. М. Майский 26 июня сообщил в Москву: «Эффект акции Черчилля был огромен как в самой Англии, так и в США... Вы знаете из моих предыдущих сообщений, я считал британскую волю к войне достаточно устойчивой и не предвидел возможностей англо-германской сделки в непосредственном будущем. Я допускал поэтому, что в случае германской атаки на СССР Англия займет благоприятную для нас позицию. Однако быстрота и решительность, с которой эта позиция действительно была занята, явилась для меня приятным сюрпризом...»⁹.

В своем дневнике посол записал, что речь «с предельной четкостью и непримиримостью ставила вопрос о продолжении войны до конца и о максимальной помощи СССР... Чрезвычайно важно было, что премьер ударил своей дубиной немедленно, не дав никому опомниться. Это сразу [за]дало тон — и здесь, и в Америке... По свидетельству многих, замешкайся Черчилль с[о] своим выступлением, протяни 2–3 дня — и антисоветские элементы в стране сумели бы внести немало смуты и разложения в общественное мнение». «Только недавно «Россия» считалась скрытым союзником Германии, чуть ли не врагом, — и вдруг на протяжении 24 час[ов] она стала другом!, — продолжал Майский. Переход был слишком крут, и британская mentality [умонастроение, склад ума (англ.)] еще не успела приспособиться к новому положению»¹⁰. Была, впрочем, и другая сторона этого психологического «шока» — наступившая после него чрезмерная расслабленность, успокоенность многих

англичан. Казалось, что опасность отступила и можно немного расслабиться, а основное бремя войны теперь будет на плечах других. На фоне сложной палитры настроений в британском обществе, далеко не всегда благоприятных для Москвы, решительные заявления с Даунинг стрит действительно имели огромное значение. Тем более, что из-за океана также последовали заверения президента Ф. Рузвельта о готовности Соединенных Штатов предоставить России всю возможную поддержку.

Отношения Советского Союза с США не имели такой сложной и скорее негативной исторической подоплеку, чем с Великобританией. Но ровные, порой даже дружественные связи Соединенных Штатов с царской Россией сменились долгим периодом непризнания России советской (до 1933 года), хотя экономическое сотрудничество в годы первых пятилеток развивалось неплохо. Как отмечал британский биограф Франклина Делано Рузвельта (ФДР) Рой Дженкинс, «парадокс заключался в том, что Черчиллю более, чем Рузвельту, приписывали серьезные антикоммунистические настроения (почти навязчивые). С другой стороны, ФДР руководил страной, в которой антикоммунистический невроз был выражен сильнее, чем в Британии. Кроме того, Рузвельт более четко прислушивался к общественному мнению, чем Черчилль»¹¹. Тем более, что в этом «мнении» громко звучали голоса противников оказания помощи СССР (изоляционисты, антикоммунисты, эмигранты из Восточной Европы и др.).

В отличие от англичан американцы, которые еще формально не вступили в мировую войну, реагировали на происходившие в Европе события не так быстро и эмоционально. Первая официальная реакция США последовала 23 июня из уст исполняющего обязанности государственного секретаря С. Уэллеса. Он, как и У. Черчилль, подчеркнул, что «для народа Соединенных Штатов... принципы и доктрины коммунистического диктаторства так же невыносимы и так же враждебны их собственным верованиям, как и принципы и доктрины нацистского диктаторства». Однако самая насущная задача на данный момент — остановить Гитлера и разрушить его планы мирового господства. «Отсюда следует, по мнению правительства США, что любая оборона против гитлеризма, любое единение сил, противостоящих гитлеризму, откуда бы эти силы ни исходили, ускорят окончательное поражение нынешних германских руководителей и поэтому будут идти на пользу нашей собственной обороне и безопасности».

24 июня президент США Ф. Рузвельт заявил на пресс-конференции в Белом доме, что Соединенные Штаты предоставят советской России всю возможную помощь в её обороне от нашествия нацистской Германии. Он, однако, отметил, что американская помощь не может быть эффективной в случае, если нацистско-советская война будет скоротечной, а также подчеркнул, что Англия имеет преимущество на

поставку самолётов, танков и военного снаряжения. Даже когда США получают список того, что необходимо СССР, пояснил президент, нельзя будет просто пойти в магазин и купить то, что нужно, ибо заказы на экспорт делаются загодя. Ф. Рузвельт уклонился от ответа на вопрос, является ли защита России обособленной Соединенных Штатов¹².

Лондон и Вашингтон, таким образом, обнаруживали свою позицию в отношении гитлеровской агрессии против Советского Союза, хотя и с определенными оговорками и без каких-либо конкретных обещаний. Москва приветствовала эти декларации западных лидеров. Председатель Совета народных комиссаров СССР И. В. Сталин в своём выступлении по радио 3 июля заявил: «Наша война за свободу нашего отечества сольётся с борьбой народов Европы и Америки за их независимость, за демократические свободы. Это будет единый фронт народов, стоящих за свободы против порабощения и угрозы порабощения со стороны фашистских армий Гитлера. В этой связи историческое выступление премьера Великобритании г-на Черчилля о помощи Советскому Союзу и декларация правительства США о готовности оказать помощь нашей стране, которые могут вызвать лишь чувство благодарности в сердцах народов Советского Союза, — являются вполне понятными и показательными»¹³.

Однако первое время после начала Великой Отечественной войны западные державы больше говорили о поддержке СССР, чем реально помогали. Тому существовали свои объяснения. В условиях войны быстро наладить крупные перевозки морем в далёкую страну было очень сложно. Ресурсы англосаксов были небезграничными. Британия сама воевала на море, в воздухе и — пусть и в весьма ограниченных масштабах, — на суше в Северной Африке. США ещё только начинали разворачивать по-настоящему масштабное военное производство. Ход битвы за Атлантику пока не давал оснований для особого оптимизма, так что возможности военно-морских и торговых флотов западных держав в доставке грузов в Советский Союз были ограничены. Политические системы в США и Великобритании устроены так, что предполагали определенное время для согласования важных решений между различными ветвями власти. Ф. Рузвельту, У. Черчиллю и их единомышленникам в верхах, понимавшим необходимость оказания помощи СССР, важно было заручиться поддержкой общественного мнения в этом деле. Особенно с учетом проходивших в прежнем ритме в тех же Соединенных Штатах выборов, что заставляло волей-неволей учитывать интересы и настроения как можно большего спектра избирателей.

И все же, думается, главные препятствия для становления сотрудничества носили субъективный характер. США и Великобритания исходили из собственного видения мира. В правящих кругах и в общественном мнении западных демократий было

широко распространено неприязненное, даже враждебное отношение к СССР, который воспринимался как политический и идеологический противник и геополитический соперник, а с началом войны зачастую ещё и как «союзник» Гитлера. Даже радикальных сдвигов в военно-политической обстановке в мире после 22 июня 1941 года для многих представителей американского и британского истеблишмента оказалось недостаточно, чтобы поменять свое негативное восприятие СССР. Велик был соблазн сыграть на взаимном ослаблении и истощении сошедшихся в смертельной схватке двух диктатур для укрепления собственных позиций. Известность получили слова сенатора Г. Трумэна о том, что, если бы Германия выигрывала эту войну, то Соединенным Штатам следовало бы помочь СССР, но, если бы побеждал СССР, то надо было бы поступить наоборот. Хотя он все же добавил, что самое последнее, чему он хотел бы стать свидетелем, — так это победе нацистов¹⁴.

Да и сколько продержится Красная Армия против вермахта, который до этого сметал всех на своем пути? Может быть, не больше 4–6 недель, как считали в британском военном министерстве¹⁵. Или все-таки подольше? Стоит ли в таком случае организовывать массированные поставки военных материалов в СССР, если того и глядишь все это попадет в лапы к немцам? Если и помогать, то исключительно для того, чтобы СССР как можно долго сковывал Гитлера и не заключал с ним сепаратный мир. Характерные для того момента взгляды изложил военный министр США Г. Стимсон в меморандуме, представленном президенту Ф. Рузвельту 23 июня. Полагая, что Гитлер скоро разгромит СССР (на это уйдет «минимум один и максимум три месяца»), военный министр рассуждал: «Начав войну с Россией, Германия тем самым чрезвычайно облегчила наше положение и создала для нас благоприятные условия действовать незамедлительно с тем, чтобы устранить возможные угрозы до того, как Германия выпутается из русского клубка». В заключение Г. Стимсон признавал: «Для меня... действия Германии представляются почти как ниспосланное Господом Богом чудо». При этом в меморандуме не было ни слова о помощи Советскому Союзу или координации военных усилий с ним¹⁶.

Подобные эгоистические рассуждения и антисоветские настроения, сомнения и колебания в оценке перспектив и возможностей противостояния Третьему рейху не могли не сказываться на политике западных правительств, тормозя налаживание сотрудничества с Советским Союзом. Безусловно, по обе стороны океана были люди, прекрасно понимавшие значение Восточного фронта для судьбы их собственной страны и действительно стремившиеся помочь Красной армии. Так, в британской политической элите, в тот момент более остро и непосредственно воспринимавшей все происходящее, таких джентльменов оказалось немало. Большую роль в организации поставок в Советский Союз сыграл министр снабже-

ния лорд У. Бивербрук. Активно стремился ускорить помощь СССР посол С. Криппс. Искренне переживал за неутешительное состояние дел в плане поддержки Советского Союза патриарх британской политики Д. Ллойд Джордж. Встречавшийся с ним И. М. Майский записал в своем дневнике 16 августа, что тот «сильно ругал Черчилля» за то, что правительство «по существу не оказывает СССР никакой помощи. Как? Сейчас разыгрывается величайшая битва нынешней войны, величайшая битва в истории, битва, от исхода которой зависит исход войны, — а что делает Англия? Ничего не делает». Досталось от Д. Ллойда Джорджа британским, а заодно и американским министрам «за их узколобость и ограниченность. Сейчас все — судьба войны, судьба Европы, судьба Брит[анской] Империи решается на восточном фронте, а они торгуются из-за каждого самолета, из-за каждого мотора! Невероятно!»¹⁷.

После 22 июня усилились настроения в поддержку Советского Союза среди широкой общественности:

- «британский народ, — писал известный английский историк и журналист Макс Хастингс, — с благоговением следивший за сопротивлением русских, воспринял Советский Союз как союзника с таким энтузиазмом, что привел в смятение и даже напугал свой правящий класс»¹⁸;
- рабочие танкового завода в Мидленде «обязались побить все существующие до сих пор рекорды ради помощи нашим друзьям в России»;
- 2 сентября съезд Британского конгресса трудящихся одобрил резолюцию в поддержку англо-советского сближения¹⁹.

Тем временем последовали первые практические шаги в налаживании военно-экономического сотрудничества СССР с западными странами. 27 июня 1941 года в Москву прибыли британские военная и экономическая миссии (руководители — генерал-лейтенант М. Макфарлан и Л. Кадбюри) и возвратившийся вместе с ними из Лондона посол С. Криппс. В тот же день они были приняты наркомом иностранных дел СССР В. М. Молотовым. С. Криппс, в частности, заявил, что «в экономической области Англия может предоставить СССР необходимые материалы, которые у нее имеются и которые могут быть ввезены в СССР при существующих транспортных ограничениях». «Если понадобится, — продолжал британский посол, — то Англия постарается уговорить США, чтобы последние поступились дефицитными материалами в пользу СССР. Что касается промышленной продукции, то в этом отношении придется обратиться к США, так как промышленность Англии работает на свою оборону»²⁰.

Переговоры в Москве и по военным, и по экономическим вопросам шли непросто. Так, для подготовки англо-советского соглашения о взаимных поставках, кредите и клиринге потребовалось более полутора месяцев, прежде чем 16 августа этот доку-

мент наконец-то был подписан. Нарком внешней торговли СССР А. И. Микоян, который вел переговоры с советской стороны, поначалу максимально поднял планку и попросил кредит на 100% поставляемых товаров. Англичан это не устроило, но в итоге сошлись на выгодных для СССР условиях: 60% британских поставок шли в кредит, а 40% Москва оплачивала золотом или долларами. Начальная сумма кредита составляла 10 млн фунтов. По величине процента сошлись на отстаиваемых советскими представителями 3% (англичане настаивали на 3.5%).

Острые дискуссии случались по частным вопросам. Советский Союз запросил 30–40 тыс. тонн алюминия. Англичане потребовали дать информацию о местонахождении алюминиевых заводов, о запасах и потреблении этого металла. Советский нарком, согласившись кое-что рассказать на этот счет «в порядке удовлетворения любопытства», выразил сомнение, что эти данные так уж необходимы Лондону для принятия решения о поставке алюминия в СССР. Гораздо важнее было то, что советские самолеты сбивают немецкие, которые при ином раскладе могли бы оказаться над Британией. Этот аргумент оказался убедительным. Опытный переговорщик А. И. Микоян, добываясь нужных Советскому Союзу условий соглашения, понимал, что возглавлявший с британской стороны переговоры посол С. Криппс стоял перед дилеммой: или уступить, или отказать СССР. Но последнее было политически невозможно, ибо судьба Англии отныне была теснейшим образом связана с Восточным фронтом²¹. Переговоры о налаживании военного сотрудничества и организации поставок военных материалов проходили также и в Лондоне, куда 8 июля прибыла советская военная миссия. Ее возглавлял заместитель начальника Генерального штаба Красной Армии генерал-лейтенант Ф. И. Голиков, заместителем являлся контр-адмирал Н. М. Харламов, до этого бывший начальником управления боевой подготовки Главного морского штаба ВМФ. С миссией встретился британский министр иностранных дел А. Иден. Основные переговоры проводились с высокопоставленными британскими военными. Советским представителям порой приходилось сталкиваться с откровенно недоброжелательным отношением со стороны ряда собеседников. Так, по воспоминаниям адмирала Н. М. Харламова, первая встреча с военным министром Г. Моргенсоном прошла «встоячку», «руки Моргенсон никому не подал. Сесть не предложил... Слушал рассеянно. А когда заговорил сам, то мы поняли, что имеем дело с ярким противником сотрудничества... Он вообще не видел смысла в англо-советском военном союзе»²².

После переговоров в Лондоне Ф. И. Голиков был отозван в Москву, а затем отправился с аналогичной миссией в Вашингтон. 1 августа он был принят президентом Ф. Рузвельтом. Советское руководство считало, что для придания прочности и эффективности создаваемому союзу СССР и Великобритании

следовало бы как можно скорее заключить политическое соглашение. Поначалу это не вызвало особого энтузиазма у английской стороны. С. Криппс неоднократно повторял, что в военной и экономической сферах Англия готова к развертыванию сотрудничества, а вот «для политического же соглашения время еще не созрело, так как накопилось немало недоверия от прошлого...»²³. Не удивительно, что 8 июля, принимая британского посла, И. В. Сталин отметил, что «Советскому правительству кажется, что Великобритания не хочет связывать себя с Советским Союзом каким-либо соглашением». Между тем сотрудничество, о котором все время говорил посол, «немыслимо без соглашения»²⁴.

Настойчивость советской стороны все же сделала свое дело. 12 июля в Москве В. М. Молотов и С. Криппс подписали соглашение между правительствами СССР и Великобритании о совместных действиях в войне против Германии. Оно обязывало стороны взаимно «оказывать друг другу помощь и поддержку всякого рода...»²⁵. Этот документ, хотя и был очень кратким (два пункта) и общим по содержанию, стал важным шагом в оформлении англо-советского военного союза и в обеспечении условий для развертывания военно-экономических связей двух стран. Положительный импульс решению вопроса о военных поставках западных держав в СССР дал визит в Москву 29 июля — 1 августа Г. Гопкинса, личного представителя президента США. Его дважды принял И. В. Сталин и имел с ним обстоятельные беседы. Из своей поездки американский политик вынес твердое убеждение, что русские будут сражаться до конца и выстоят, несмотря ни на что. «...Я очень уверен в отношении этого фронта. Моральное состояние населения исключительно высокое. Здесь существует безграничная решимость победить»²⁶.

На состоявшейся 9–12 августа у берегов Канады встрече Ф. Рузвельта и У. Черчилля (Атлантическая конференция) с участием высшего военного руководства обеих стран Г. Гопкинс доложил об итогах своего визита в Москву. Лидеры США и Великобритании в совместном послании И. В. Сталину заверили, что они совместно работают над снабжением СССР максимальным количеством наиболее необходимых ему материалов. Чтобы можно было быстро принять решения по распределению ресурсов, президент и премьер выступили с инициативой провести трехстороннюю конференцию в Москве с участием своих высокопоставленных представителей. Это позволило бы обсудить соответствующие вопросы с высшим советским руководством²⁷. Летом 1941 года реальные результаты налаживания военно-экономических связей Советского Союза с его западными партнерами были невелики. В июле из Великобритании и США в СССР было отправлено всего 27 576 тонн в основном невоенных материалов²⁸. Первая «ласточка» в союзнических поставках оружия — приход 1 августа в Архангельск английского минного заградителя

«Адвенчур» с грузом глубинных бомб и магнитных мин. 21 августа из Исландии вышел и через 10 дней прибыл в Архангельск первый британский конвой из 7 судов с военными грузами под кодовым названием «Дервиш».

26 июля У. Черчилль сообщил И. В. Сталину, что британское правительство приняло решение послать «в возможно короткий срок» Советскому Союзу 200 истребителей «Томагавк» из числа тех, что должны были быть получены из Соединенных Штатов. К поставке в СССР вскоре должны были быть подготовлены от двух до трех миллионов пар ботинок, а также большое количество каучука, олова, шерсти и шерстяной одежды, джута, свинца и шелка. Через месяц У. Черчилль написал И. В. Сталину, что готов отправить еще 200 истребителей «Харрикейн», «если бы Ваши пилоты могли эффективно их использовать». В ответном послании от 3 сентября советский руководитель выразил благодарность за это намерение «продать» Советскому Союзу еще одну партию истребителей, хотя и отметил, что они, будучи «пущены в дело не скоро и не сразу, а в разное время и отдельными группами, не смогут внести серьезных изменений на восточном фронте»²⁹.

Темпы и масштабы военных поставок из Великобритании и США с точки зрения Советского Союза были совершенно не удовлетворительны, если оценивать их на фоне грандиозных сражений на советско-германском фронте и огромных потерь Красной Армии в вооружениях и других военных материалах. Посол И. М. Майский в беседе с министром иностранных дел А. Иденом 26 августа заявил: «Фактически выходит так, что Англия в настоящий момент является не столько нашим союзником, товарищем по оружию в смертельной борьбе против гитлеровской Германии, сколько сочувствующим нам зрителем». «Поменьше бы рукоплесканий, а побольше бы истребителей», — подчеркнул посол³⁰. Эти высказывания И. М. Майского, сделанные по его собственной инициативе, получили полное одобрение Москвы. В телеграмме послу от 30 августа И. В. Сталин писал: «По сути дела, Английское правительство своей пассивно-выжидательной политикой помогает гитлеровцам». Те хотят бить своих противников поодиночке. «То обстоятельство, что Англия нам аплодирует, а немцев ругает последними словами, нисколько не меняет дела». Думаю, отмечал советский руководитель, что англичане это понимают. «Чего же хотят они? Они хотят, кажется, нашего ослабления»³¹.

У. Черчилль считал, что политика Москвы до 22 июня 1941 года не давала советской стороне «никакого права упрекать нас»³². Тем не менее на встрече с И. М. Майским 4 сентября он согласился с тем фактом, что Советский Союз ведёт борьбу против Германии один «лишь с маленькой поддержкой со стороны британской авиации и что весь расчёт Гитлера построен на ликвидации своих врагов поодиночке».

В заключение беседы британский премьер сказал советскому послу: «Не хочу вводить Вас в заблуждение: до зимы мы не сможем оказать вам никакой серьёзной помощи — ни путем создания второго фронта, ни путём обеспечения широкого снабжения нужными вам видами оружия. Всё, что мы можем вам сейчас дать, — это лишь капля в море»³³. Впрочем, один момент должен был приятно удивить советское руководство. В письме, полученном в Москве 6 сентября, британский премьер обратил внимание на то, что И. В. Сталин в своем последнем послании употребил слово «продать» применительно к 200 «Харрикейнам». «Мы не смотрим на дело с этой точки зрения и никогда не думали об уплате, — подчеркнул У. Черчилль. — Было бы лучше, если бы всякая помощь, оказанная Вам нами, покоилась на той же самой базе товарищества, на какой построен американский закон о займе — аренде [о ленд-лизе. — С. М.]³⁴, то есть без формальных денежных расчетов»³⁵.

Это было, безусловно, важным жестом в адрес Советского Союза, свидетельством того, что, отказав своему союзнику в открытии второго фронта, в Лондоне все же понимали, что надо предпринять что-то существенное, чтобы не сгубить на корню нужный самим англичанам военный союз с Россией. В британской официальной истории Второй мировой войны отмечено, что положение России было настолько отчаянным, а значение для Великобритании ее сопротивления «столь велико, что стало необходимым как-то ободрить ее»³⁶.

На основе ленд-лиза англичане решили перевести свои военно-экономические отношения с русским на два месяца раньше, чем это сделали американцы (7 ноября 1941 года). Правда, как отмечается в отечественной научной литературе, на практике английские поставки на основе ленд-лиза стали осуществляться только в конце осени 1941 года³⁷. При подготовке к предстоящей трехсторонней конференции по проблеме военных поставок в СССР настроения у англичан были противоречивыми. Как вспоминал У. Черчилль, «нам пришлось пойти на неприятный риск: поставить под удар собственную безопасность и свои планы ради нашего нового союзника — угрюмого, ворчливого, жадного и еще так недавно безразлично относившегося к тому, выживем мы или нет». Военные ведомства «восприняли это так, как будто бы с них живьем сдирали шкуру»³⁸. В итоге было решено постараться обойтись, прежде всего, за счет американских ресурсов и не скупиться на обещания, чтобы поддержать решимость русских сражаться.

Соединенные Штаты поначалу не слишком топились с поставками в Советский Союз. 24 июня американские власти разрешили советской стороне расходовать средства из советских денежных фондов, блокированных в США. Была смягчена дискриминационная практика в торговле с СССР. Закон о нейтралитете не применялся к Советскому Союзу, что

позволяло поставлять ему американское вооружение. Характерно, однако, что С. Уэллес, заявляя об этом решении, обосновал его тем, что война между СССР и Германией не угрожает интересам США или их граждан³⁹. Тем не менее, это все были полумеры, не имевшие ощутимых результатов.

30 июня Советское правительство направило в Вашингтон заявку на необходимые ему виды вооружения и промышленное оборудование, а также поставило вопрос о предоставлении кредита на 5 лет. Запрос был огромным: 3000 бомбардировщиков, 3000 истребителей, 20 000 зенитных орудий, 50 тыс. т толуола и другой продукции на общую сумму свыше 1 млрд 836 млн долл. Этот заказ был рассмотрен на заседании американского кабинета только 18 июля, причем лицензии на экспорт товаров в Советский Союз было разрешено выдать на 9 млн долл. (примерно 0,5% от запрошенного)⁴⁰. Сам президент Ф. Рузвельт в первых числах августа признавал, что с момента нападения Германии на Советский Союз «мы не сделали практически ничего, чтобы обеспечить доставку необходимых русским материалов через Сибирь. Честно говоря, если бы я был русским, то наверняка чувствовал бы сейчас, что американцы просто-напросто обводят меня вокруг пальца»⁴¹.

Советская сторона была обеспокоена таким поворотом событий. 31 июля посол СССР в США К. А. Уманский и глава советской военной миссии в США Ф. И. Голиков в своей телеграмме И. В. Сталину подытожили те трудности, которые сохранялись в переговорах с американцами с самого начала войны:

1. «Вопросы решаются невероятно медленно, без учета темпов и размаха войны». Через месяц после вручения советской заявки на оружие ответа на неё не последовало, а по заявке на промышленное оборудование был получен неудовлетворительный и недостаточно конкретный ответ;
2. До сих пор не началась практическая работа «комитета трех», который, по мысли президента Ф. Рузвельта, должен был заниматься согласованием вопросов по развёрстке американского снабжения⁴²;
3. «Пока нет никаких признаков готовности ни американцев, ни англичан произвести радикальную переразверстку своего производства... в нашу пользу»;
4. Некоторые американские ведомства имели тенденцию «решать за нас вопросы о том, что нам нужно»;
5. За нашей спиной американцы и англичане обсуждали вопросы о порядке доставки нам грузов, какие типы самолетов нам «подходят», не реализовывался принцип тройственного обсуждения;
6. По-прежнему советские военные атташе были изолированы, а советских людей не пускали в оборонные цеха заводов;

7. Особенно опасна проволочка с фрахтовкой тоннажа.
8. Военному министерству следовало прекратить играть на руку фашистам явную и скрытую пропаганду идей «непобедимости» гитлеровцев, попытки дискредитации командования советских Вооруженных сил и саботажа советских заказов⁴³.

Предоставление кредитов американская сторона обуславливала встречными поставками стратегического сырья из СССР (цветные металлы, платина, иридий и т. д.). Более конструктивный настрой с американской стороны стал ощущаться после откровенного разговора о советских военных заказах, состоявшегося 1 августа на встрече президента Ф. Рузвельта с советским послом К. А. Уманским и главой советской военной миссии Ф. И. Голиковым. В начале августа между Москвой и Вашингтоном была достигнута договорённость о продлении до августа 1942 года торгового соглашения между двумя странами. Правительство США, как было сообщено советской стороне, «решило оказать все осуществимое экономическое содействие с целью укрепления Советского Союза в его борьбе против вооруженной агрессии».

В этой связи американцы выразили готовность «самым дружественным образом» рассматривать советские заказы на товары и материалы:

- «срочно необходимые для нужд государственной обороны Советского Союза»;
- содействовать их быстрому изготовлению и отгрузке;
- выдавать «неограниченные лицензии» на экспорт в Советский Союз широкой номенклатуры различной продукции;
- благожелательно рассматривать предложения об использовании наличных возможностей американского морского транспорта для ускорения доставки указанных товаров⁴⁴.

С 29 сентября по 1 октября 1941 года в Москве прошла конференция трех держав по вопросам военно-экономического сотрудничества. Делегацию СССР возглавлял нарком иностранных дел В. М. Молотов, США — представитель президента А. Гарриман (он в то же время отвечал за британское направление в американской программе по ленд-лизу), Великобритании — министр снабжения У. Бивербрук. О значении, которое придавалось в Москве этим переговорам, говорило то, что И. В. Сталин накануне и во время работы конференции трижды принял руководителей американской и британской делегаций, в деталях обсуждая с ними предстоящие поставки военных материалов в СССР. При открытии конференции В. М. Молотов вручил главам западных делегаций «Программу заявок, начиная с октября 1941 года до конца июня 1942 года». По инициативе советской стороны для предварительного рассмотрения вопросов с участием всех трех держав было

образовано шесть комиссий: авиационная, армейская, военно-морская, медицинская, сырьевая и оборудования, транспортная.

В итоге были подписаны коммюнике и секретный протокол, согласно которому западные державы обязались поставлять Советскому Союзу с 1 октября 1941 г. по конец июня 1942 года ежемесячно: 400 самолётов (100 бомбардировщиков и 300 истребителей); 500 танков (не более 50% малых); сотни зенитных и противотанковых орудий; разведывательные автомобили; алюминий, олово, свинец, никель, медь, сталь и другие металлы и сплавы, порох, промышленное оборудование, продовольствие и др.⁴⁵ Московская конференция стала важнейшей вехой на пути создания антигитлеровской коалиции и особенно оформления и развертывания военно-экономического сотрудничества трех держав. При всех возможных нюансах в трактовке самих переговоров и подписанных документов обязательства сторон приобрели конкретный, юридически зафиксированный вид. Военные поставки должны были принять масштабный и систематический характер с тенденцией к еще большему увеличению в будущем.

Готовность СССР, Великобритании и США объединить свои ресурсы для борьбы против общей опасности придавало решениям Московской конференции особую значимость. Как подчеркнул в своем выступлении на заключительном заседании В. М. Молотов, «мы все имели возможность убедиться в том, насколько сильно решающие жизненные интересы и общие стремления наших великих свободолюбивых народов сблизили наши страны и привели к тесному сотрудничеству в развернувшейся исторической борьбе против разбойничьей гитлеровской Германии...». В том единодушии и быстроте, с которыми были приняты решения об оказании практической поддержки СССР в войне, советская сторона видела «признание дружественными странами того факта, что сейчас Советский Союз несет на себе всю тяжесть борьбы с фашистскими ордами Германии». Политическое значение конференции, отметил нарком, состояло в том, что расчеты гитлеровцев уничтожить своих противников поодиночке сорваны и против них «отныне создан мощный фронт свободолюбивых народов во главе с Советским Союзом, Англией и Соединенными Штатами Америки»⁴⁶.

Решения Московской конференции выглядели тем более важными и актуальными, что они были приняты на фоне драматических событий, развернувшихся на советско-германском фронте. Как раз когда русские, американцы и англичане совещались в советской столице, немецко-фашистские войска 30 сентября начали операцию «Тайфун» и, прорвав оборону Брянского, а затем Западного и Резервного фронтов, ринулись к Москве. 30 октября правительство США предоставило СССР беспроцентный заём в 1 млрд долл. на оплату поставок вооружений и сырья с тем, чтобы выплаты по займу начались через 5 лет после

окончания войны и производились в течение 10 лет после истечения этого пятилетнего периода. В послании Ф. Рузвельту от 4 ноября И. В. Сталин оценил этот шаг как «исключительно серьезную поддержку Советского Союза в его громадной и трудной борьбе с нашим общим врагом...»⁴⁷. 7 ноября 1941 года Соединенные Штаты распространили на СССР действие закона о ленд-лизе. До этого американцы предпочитали проводить торговые операции с русскими за наличный расчет. Впоследствии все поставки в СССР с 1 октября 1941 года стали считаться проходившими на основе закона о ленд-лизе.

Предоставление Советскому Союзу возможности получать столь нужные ему военные материалы на новой основе («взаймы или в аренду») избавляло его от необходимости тратить крайне дефицитную во время войны валюту и другие ресурсы и открывало гораздо более широкий доступ к продукции быстро растущей американской военной экономики. Это было тем более важно, что ситуация на фронте оставалась крайне напряженной, а собственное военное производство в СССР падало из-за оставления обширных территорий на западе страны и масштабной эвакуации военных заводов в восточные районы, где они еще не успели развернуть свое производство. Распространение режима ленд-лиза на Советский Союз вполне соответствовало коренным интересам самих Соединенных Штатов. Поддерживая способность других стран противостоять гитлеровской агрессии, США тем самым выигрывали бесценное время для перестройки своих вооруженных сил, экономики и всего общества на военные рельсы, в перспективе сокращали усилия и жертвы американцев непосредственно на поле боя. Предпринятый Ф. Рузвельтом шаг имел огромное значение не только для развертывания военно-экономических связей между СССР и США, но и для упрочения отношений между двумя странами в целом и утверждения духа доверия и взаимопонимания между Москвой и Вашингтоном.

Летом–осенью 1941 года начал складываться механизм военно-экономического сотрудничества СССР, США и Великобритании. Преодолевая недоверие, подозрительность и просто незнание многих вещей, стороны постепенно стали лучше понимать потребности и возможности друг друга, особенно в законодательстве и внутренних процедурах другой стороны, характерные черты национального поведения и менталитета. Записанные на бумаге обязательства наполнялись реальным содержанием. Путь ленд-лизовой продукции, условно говоря, от станка до поля боя был долгим и трудным. Заказ — производство — приемка — погрузка — транспортировка — разгрузка — сборка (если нужна) — подгонка под местные условия и потребности — техническое обслуживание — обучение кадров — боевое применение — и (зачастую) утилизация. На любом из этих этапов могли возникнуть сбои и трудности, которые, в свою очередь, давали повод для взаимных упреков

и непонимания. Вряд ли стоит удивляться неразберихе и нелепицам, которые первое время встречались с обеих сторон в организации столь многосложного дела. Поначалу И. В. Сталину даже пришлось писать по этому поводу У. Черчиллю: «Нельзя, однако, не сказать, хотя это и мелочь, что танки, артиллерия и авиация приходят в плохой упаковке, отдельные части артиллерии приходят в разных коробках, а самолеты настолько плохо упакованы, что мы получаем их в разбитом виде» (послание от 8 ноября 1941 года)⁴⁸.

С советской стороны ощущалась острейшая нехватка людей, которые были бы технически грамотны, имели военный опыт и вдобавок еще знали бы английский язык (до войны в школах и вузах СССР повсеместно изучался немецкий язык). Следовало точно и правильно определить, сформулировать и оформить заказ, а затем проконтролировать сроки поступления, объем, качество, комплектность продукции и ее отгрузку. При этом успевать читать техническую литературу и документацию на иностранном языке, разбираться в англоязычных инструкциях и маркировке, вести диалог с зарубежными коллегами. Немалые трудности вызывало в СССР освоение и эксплуатация западной техники. Она, как правило, была выполнена на другом — по сравнению с привычным — техническом уровне, требовала особого подхода и специальных знаний. Для советских людей, общеобразовательный и технический уровень подготовки которых зачастую был не слишком высок, все это было непривычно и усваивалось непросто. В результате — аварии, поломки, неэффективность использования техники. Впрочем, все эти, так сказать, «технические» проблемы, с течением времени вполне могли быть преодолены. Сложнее было с проблемами «политическими»: приходилось встречаться с саботажем и откровенным нежеланием не то что помогать, а просто иметь дело с советской стороной. Причем это касалось не только некоторых политиков и бизнесменов, но и рядовых граждан западных стран (забастовки на заводах с отказом выполнять советские заказы, нежелание докеров грузить корабли, направлявшиеся в СССР и т. п.).

Важнейшей и, может быть, сложнейшей задачей союзников было обеспечение доставки военных грузов в СССР. В 1941 году это можно было сделать тремя маршрутами. Самым коротким, быстрым (10–14 дней) и первоначально относительно безопасным был путь из Британии (или Исландии) через арктические моря в Архангельск (мог быть и Мурманск, но этот город в начале войны немецко-фашистские войска пытались захватить с суши и разбомбить с воздуха). Перевозки по этому направлению не требовали согласия кого бы то ни было. Надо было только постараться избежать встречи с германскими подлодками и самолетами, что до начала 1942 года, как правило, удавалось.

Другой путь — из США через Тихий океан во Владивосток (18–20 дней) и далее по Транссибирской

магистрала в Европейскую часть страны. Это требовало уже больше времени и затрат. К тому же здесь ощущалось действие «японского фактора». Когда в августе 1941 года во Владивосток из США пришли танкеры с нефтью, это вызвало беспокойство в Токио. Советской стороне было заявлено, что перевозка американских стратегических материалов, в том числе авиационного бензина, через прибрежные японские воды раздражает общественное мнение Японии, так как продажа ей такого бензина запрещена. Утверждалось, что американская нефть могла предназначаться китайскому правительству Чан Кайши, против которого Япония вела войну, а сами эти материалы могли использоваться в возможной будущей войне на Тихом океане. Более того, эти грузы могли попасть на европейский театр военных действий, что затрагивало обязательства Японии по Тройственному пакту перед Германией и Италией. Соответствующие заявления делались японским МИДом советскому послу в Токио К. А. Сметанину, а японский посол в Москве И. Тагэкава говорил об этом наркомом иностранных дел В. М. Молотову⁴⁹. Аналогичные протесты японцы заявляли Соединенным Штатам. В Токио опасались, что Чан Кайши примет участие в Московской конференции СССР, США и Великобритании по вопросам военно-экономического сотрудничества и решения конференции будут вредны для интересов Японии. В Стране восходящего солнца не исключали, что в обмен на военные поставки СССР может предоставить США военные базы в Приморье и на Камчатке, и это создаст «северную часть кольца — окружения Японии»⁵⁰. Советской дипломатии пришлось потратить немало усилий на то, чтобы опасения японцев не вызвали преждевременного обострения их отношений с СССР. И уж тем более — открытого конфликта.

Самые большие проблемы военно-политического и организационно-технического свойства СССР, Великобритании, а позднее и США пришлось решать при создании так называемого «персидского коридора» — маршрута, пролегавшего через Персидский залив, Ирак, Иран и Каспий в Советский Союз. В апреле — июле 1941 года Ирак, Сирию и Ливан чуть было не накрыла волна нацистской экспансии, и, оказавшись она успешной, создание «персидского коридора» было бы под большим вопросом. В апреле в Ираке, ранее находившемся под управлением Лондона, к власти прорвались местные националисты. Они обратились за военной помощью к державам Оси и вскоре в небе Ирака появились немецкие и итальянские военные самолеты. Иракцы попытались вытеснить из страны британские войска, находившиеся там на основании англо-иракского договора, но были разбиты.

Англичане, не останавливаясь, предприняли военную экспедицию в Сирию и Ливан, вишистская администрация которых позволила люфтваффе использовать территорию этих стран. Когда был установлен контроль над этими тремя ближневосточными странами, Лондон обратил свой взор

на Иран, одну из крупнейших нефтедобывающих стран. Здесь была сильна профашистская агентура и существовала опасность поворота Тегерана в сторону Германии. После 22 июня 1941 года ситуация в регионе поменялась. Ранее соперничавшие здесь Советский Союз и Британия объединились против общего врага — Третьего рейха. Их общей целью, помимо предотвращения прогерманского переворота, стало создание транспортного коридора через Иран в СССР. У Черчилля писал на этот счет И. В. Сталину: «По поводу Персии⁵¹. Наши интересы там заключаются лишь в следующем: во-первых, создание барьера против германского проникновения на Восток; и, во-вторых, устройство сквозного пути для поставок к Каспийскому бассейну»⁵². Москва разделяла такую позицию. Эти важнейшие в тот момент вопросы создали прочную общую основу для действий двух стран, хотя при этом каждая из них не забывала и о других своих интересах в регионе.

Уже в первый день Великой Отечественной войны британская сторона заявила о готовности оказать помощь в снабжении СССР через Владивосток или Персидский залив. На проходивших в Москве встречах И. В. Сталина и В. М. Молотова с С. Криппсом, а в Лондоне — У. Черчилля с И. М. Майским говорилось о желательности «общей политической линии» обоих правительств в отношении Ирана и других стран Ближнего и Среднего Востока, о необходимости предотвратить проникновение Германии в этот регион. Отмечалось, что дипломатические меры, может быть, придется поддержать военными. Хотя с Ираном пока не было никаких договоренностей относительно использования его транспортной инфраструктуры, но русские и англичане говорили о «персидском коридоре» как об уже решённом вопросе. Они обсуждали пропускную способность Трансиранской железной дороги, иранских шоссейных дорог и портов, а также возможности наращивания поставок⁵³. В Тегеране с удовлетворением воспринимали заявления о намерении СССР обеспечить на своей территории перевозки для Ирана, в том числе вооружения. Но в ответ шахское правительство не соглашалось на транзит через Иран оружия для Советского Союза, ссылаясь на свой нейтралитет в войне. Без этого, однако, «персидский коридор» терял свое значение для русских и англичан. Союзники не нашли общего языка с Тегераном и по поводу активности в стране прогерманских, профашистских сил, хотя неоднократно, совместно и порознь, требовали пресечь подрывную и шпионско-диверсионную деятельность германских агентов в Иране. Реза-шах и его окружение, очевидно, ожидали скорой военной победы Германии и оставались глухи к требованиям Москвы и Лондона.

Сложившаяся ситуация предопределила решение СССР и Великобритании о вводе своих войск в Иран, начавшийся 25 августа 1941 года. Наряду с арктическим конвоем «Дервиш», как раз в это время находившимся на пути в Архангельск, это

был первый наглядный опыт совместной военно-политической акции участников формирующейся антигитлеровской коалиции. При этом вопрос о суверенитете Ирана и его нейтралитете в войне в условиях смертельной схватки с державами Оси отходил на второй план. СССР действовал на основе советско-персидского договора 1921 года, дававшего ему право при угрозе своей безопасности с территории соседнего государства вводить в Иран войска. У Черчилль, объясняя произошедшее, лишь подчеркнул, что Англия и Россия боролись за свою жизнь, а потому «Interarmasilentleges» («когда говорит оружие, законы молчат»)⁵⁴.

25 августа 1941 года советские войска с севера, а британские — с юго-запада перешли границу Ирана и стали быстро продвигаться вглубь страны. 29 августа союзники вошли в соприкосновение. Новое правительство в Тегеране к тому времени уже отдало приказ прекратить сопротивление, которого, впрочем, практически и не было. 29 августа иранские войска сложили оружие перед англичанами, а 30 — перед русскими. «Известие о том, что персы решили прекратить сопротивление, весьма приятно», — написал в Москву в этот день У. Черчилль. «Дело с Ираном, действительно, вышло неплохо», — в тон ему ответил через три дня И. В. Сталин. Но добавил: «Совместные действия британских и советских войск предрешили дело. Так будет и впредь, поскольку наши войска будут выступать совместно. Но Иран только эпизод. Судьба войны будет решаться, конечно, не в Иране»⁵⁵. Прозрачный намек на необходимость открытия второго фронта. 8 сентября СССР и Великобритания подписали с Ираном соглашение, предусматривавшее пребывание союзных войск в этой стране. Однако высылка германской агентуры затягивалась. Тогда союзные войска двинулись к Тегерану. 16 сентября Реза-шах отрекся от престола и передал власть своему сыну Мохаммеду Реза Пехлеви. На следующий день союзники вступили в столицу. Новый шах с гораздо большей готовностью шел навстречу союзникам. Профашистские элементы были высланы, разгромлены или загнаны в подполье. Решив эту задачу, союзники могли взяться за выполнение другой, то есть обеспечения транспортного коридора через Иран в СССР.

Однако сразу использовать иранскую территорию для масштабных поставок в Советский Союз было невозможно из-за слабости транспортной инфраструктуры страны. По трансиранской железной дороге в каждую сторону могло пройти всего по 2 состава в сутки. Необходима была ее коренная реконструкция, а также строительство шоссейных дорог, расширение портов в Персидском заливе и на Каспии. Ответственность за реорганизацию транспортной инфраструктуры поначалу взяли на себя англичане. У. Черчилль в своих посланиях И. В. Сталину постоянно подчёркивал, что он придавал решению этой задачи первостепенное значение. В письме, полученном в Москве 30 августа, говорилось: «При

всей важности защиты нефтяных источников целью нашего вступления в Персию было в ещё большей степени стремление установить ещё один сквозной путь к Вам, который не может быть перерезан. Имея это в виду, мы должны реконструировать железную дорогу от Персидского залива до Каспийского моря и обеспечить её бесперебойную работу, используя дополнительную железнодорожное оборудование, доставляемое из Индии». Британский премьер писал также об открытии сквозного пути «не только по железной дороге, но и по автомобильной магистрали, к постройке которой мы надеемся привлечь американцев с их энергией и организационными способностями»⁵⁶.

Но в 1941 году все эти планы только-только начинали реализовываться и основной поток грузов в СССР шел через арктические моря и Тихий океан. Ход выполнения решений Московской конференции в период с октября по первую половину декабря был проанализирован в справке наркома внешней торговли СССР А. И. Микояна, направленной 22 декабря 1941 года Председателю Совета Народных Комиссаров И. В. Сталину и наркому иностранных дел В. М. Молотову. В указанный период с учетом ранее (до Московской конференции) данных обязательств англичане должны были поставить 700 самолетов, фактически было завезено в СССР 658 шт., а вот танков — из 875 шт. всего 405, из 500 танкеток — 310, из 137 40-мм противотанковых орудий — 62, из 500 противотанковых ружей — 208.

Из заказанных 725 станков было поставлено 484 ед., из них уже завезено — 332. Практически выполнены были обязательства по каучуку (с учетом находящегося в пути), а по олову и цинку, а также по шерсти даже перевыполнены. Между тем поставки алюминия, свинца и меди были значительно недовыполнены. Завезена была лишь четверть обещанного сахара (25 500 тонн вместо 105 000 тонн) и 4 тыс. тонн пшеницы вместо 500 тыс. тонн. Армейской обуви было завезено 3 млн пар, но в счет обязательств, данных до конференции. Из числа твердо обещанных, но так и не завезенных, в справке назывались никель, ферросилиций, феррохром, сталь серебрянка, тигельный графит.

Данные по американским поставкам выглядели следующим образом. По обязательствам, взятым на Московской конференции, поставки самолетов (истребителей, бомбардировщиков, разведчиков) должны были составить 500 шт., с учетом последующих уточнений со стороны американцев — 235. На 15 декабря была поставлена 651 машина. Но из этого числа было: завезено в Союз — 62 шт., погружены на пароходы, которые еще не вышли — 10, отгружены и находились в пути — 132, находились в портах — 447. Причем, например, отгрузка большой партии бомбардировщиков ДБ-7Б (А-20) была задержана, так как самолеты не имели вооружения, а истребители «Аэрокобра» были поставлены без пропеллеров,

вооружения и запчастей. Более того, в декабре все самолеты, находившиеся в портах (447 шт.), по указанию американского правительства были отозваны обратно. Таким образом, было недопоставлено 296 самолетов против принятых на конференции обязательств. По танкам соответствующий показатель составил 444 ед.: обещано было 625 машин, по предоставленному американцами ежемесячному распределению (к середине декабря) — 473, фактически поставлено 181 (примерно поровну средних и легких). Из этих 181 танка находилось в портах — 68, в пути — 103, завезено в Союз в декабре — 10.

По плану США должны были поставить 20 600 грузовых автомобилей, фактически — лишь 7242 ед. Из них: находились в портах и в погрузке — 2216, в пути — 4734, завезено в Союз — 292. Разведывательных автомашин было поставлено чуть более половины обещанного, телефонных аппаратов — несколько больше шестой части, полевого телефонного провода — десятая доля. Правда, почти выполнены были обязательства по колючей проволоке, а перевыполнены по столь важным позициям, как, например, алюминий (однако других цветных металлов не доставили вовсе). В конце справки шли длинные списки товаров, по которым совсем не было поставок при наличии обязательств или по которым еще не были окончательно уточнены ни сроки, ни количество⁵⁷.

У США было свое оправдание недопоставкам — в декабре они вступили в войну, что потребовало пересмотра всей системы распределения их ресурсов. Это само по себе понятно, хотя отставание от графика наблюдалось задолго до 7 декабря 1941 года. Так что Красной армии, которая в это время вела битву за Москву, досталось не слишком много. Но когда враг стоял у стен их столицы, русские были рады любой помощи. То, что Красная армия успешно бьет врага даже при том, что оружие по ленд-лизу только начинало поступать на русский фронт, смог лично убедиться министр иностранных дел Великобритании А. Иден, посетивший Советский Союз в декабре 1941 года. Со своей делегацией он специально выезжал в подмосковный Клин, только что освобожденный в ходе

контрнаступления советских войск. Разбитая германская военная техника, немецкие военнопленные в нелепом «зимнем» обмундировании, сгоревшие русские деревни — все это произвело сильное впечатление на иностранных гостей, почувствовавших весь размах, ожесточение и бескомпромиссность этой войны, в которой России и Англии суждено было помогать друг другу во имя общей победы.

Некоторые западные историки признают, что победа под Москвой была достигнута Красной армией, когда масштабные поставки от союзников еще не начали поступать. После Московской конференции, пишет английский историк Лоуренс Рис, «все обещания так и остались обещаниями — лишь незначительное количество помощи прибыло в Советский Союз в ноябре — декабре 1941 года. Лорд Бивербрук ушел из правительства в феврале 1942 года отчасти из протеста против «недостаточности» помощи Советскому Союзу... В первые месяцы 1942 года поток помощи Советскому Союзу увеличился, хотя и не достиг оптимистического уровня, предусмотренному Московским соглашением сентября 1941 года»⁵⁸.

«Большая часть этой (западной. — С. М.) помощи поступила после Сталинградской битвы, — отмечает Джеффри Робертс, — так что основная ее роль заключалась в том, чтобы облегчить победу, а не в том, чтобы предотвратить поражение. С другой стороны, ... Вся оказанная Западом поддержка имела критическое значение — даже минимальная помощь, предоставленная в 1941–1942 гг.»⁵⁹. Несмотря на все проблемы и трудности, военно-экономическое сотрудничество СССР с США и Великобританией постепенно налаживалось. Титанические усилия Советского Союза и его армии в летне-осеннюю кампанию 1941 года и их первый стратегический успех — контрнаступление под Москвой, показали, что, вопреки всем пессимистическим прогнозам, Советская страна способна выстоять и сражаться дальше. А потому ее сотрудничество с США и Великобританией закономерно должно было крепнуть и стать основой антигитлеровской коалиции — силы, которой предстояло сокрушить Третий рейх.

¹ Черчилль У. Вторая мировая война: В 3-х кн. Кн. 2. Т. 3–4 / Пер. с англ. — М., 2010. С. 173.

² Бедарида Ф. Черчилль / Пер. с фр. — М., 2003. С. 271.

³ Майский И. М. Дневник дипломата. Лондон. 1934–1943: в 2 кн. Кн. 2, ч. 2: 22 июня 1941–1943 год. — М., 2009. С. 11.

⁴ Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. — М., 2004. С. 12–13.

⁵ Черчилль У. Указ. соч. Кн. 1. Т. 1–2. С. 383–385.

⁶ Черчилль У. Указ. соч. Кн. 2. Т. 3–4. С. 186–187.

⁷ Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы. В 2-х т. Т. 1. 1941–1943. — М., 1983. С. 513 (Далее: Советско-английские отношения...).

⁸ Никогда не сдаваться! Лучшие речи Черчилля. / Пер. с англ. — М., 2014. С. 394–400. См. также: Churchill: the Power of Words. His remarkable life recounted through his writings and speeches. 200 readings selected, edited and introduced by Martin Gilbert. London, 2012. P. 284–287.

⁹ Ржешевский О. А. Сталин и Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии: Документы, комментарии, 1941–1945. — М., 2004. С. 14.

¹⁰ Майский И. М. Указ. соч. С. 7.

- ¹¹ Дженкинс Р. Франклин Делано Рузвельт / Пер. с англ. — М., 2013. С. 203.
- ¹² Советско-американские отношения. 1939–1945 / Под ред. Г.Н. Севостьянова. — М. 2004. С. 132–135.
- ¹³ Документы внешней политики. 22 июня 1941 г. — 1 января 1942 г. Т. XXIV. — М., 2000. С. 103. (Далее: Документы внешней политики. Т. XXIV).
- ¹⁴ Дженкинс Р. Франклин Делано Рузвельт / Пер. с англ. — М., 2013. С. 224.
- ¹⁵ Майский И.М. Указ. соч. С. 8.
- ¹⁶ Мальков В.Л. Путь к имперству: Америка в первой половине XX века. — М., 2004. С. 358–359.
- ¹⁷ Майский И.М. Указ. соч. С. 32–33.
- ¹⁸ Hastings Max. All Hell Let Loose. The World at War 1939–1945. London, 2011. P. 181.
- ¹⁹ Майский И.М. Указ. соч. Примечания и комментарии. С. 342
- ²⁰ Советско-английские отношения... Т. 1. С. 49, 51.
- ²¹ Советско-английские отношения... Т. 1. С. 92–99; Павлов М.Ю. Анастас Микоян. Политический портрет на фоне советской эпохи. — М., 2010. С. 164–165.
- ²² Харламов Н.М. Трудная миссия. — М. 1983. с 35.
- ²³ Советско-английские отношения... Т. 1. С. 48–51.
- ²⁴ Советско-английские отношения... Т. 1. С. 69.
- ²⁵ Советско-английские отношения... Т. 1. С. 82.
- ²⁶ Советско-американские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945: Документы и материалы. В 2-х т. Т. 1. 1941–1943. — М., 1984. С. 482 (Далее: Советско-американские отношения...)
- ²⁷ Советско-английские отношения... Т. 1. С. 99–100.
- ²⁸ Куманев Г.А. Проблемы военной истории Отечества (1938–1945 гг.). М., 2007. С. 509.
- ²⁹ Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. Изд. 2-е. Т. 1. Переписка с У. Черчиллем и К. Эттли. (Июль 1941 г. — ноябрь 1945 г.). М., 1976. С. 22, 26, 28. (Далее: Переписка...).
- ³⁰ Советско-английские отношения... Т. 1. С. 106.
- ³¹ Советско-английские отношения... Т. 1. С. 109.
- ³² Черчилль У. Указ. соч. Кн. 2. Т. 3–4. С. 230.
- ³³ Советско-английские отношения..., Т. 1. С. 114–115.
- ³⁴ Закон о ленд-лизе (от англ. *lend* — давать займы и *lease* — сдавать в аренду, внаём) от 11 марта 1941 года давал президенту США право предоставлять «займы или в аренду» любые материалы, услуги и информацию тем странам, оборона которых рассматривалась как жизненно важная для обороны Соединенных Штатов. Все, что было уничтожено, утрачено или использовано во время войны, оплате не подлежало. За остальное предполагалось произвести расчет после войны.
- ³⁵ Переписка... Т. 1. С. 31.
- ³⁶ Батлер Д., Гуайер Д. Большая стратегия. Июль 1941-август 1942. М., 1967. С. 125.
- ³⁷ Куманев Г.А. Указ. соч. С. 510.
- ³⁸ Черчилль У. Указ. соч. Кн. 2. Т. 3–4. С. 225.
- ³⁹ Советско-американские отношения. 1939–1945. С. 134–135.
- ⁴⁰ Jones R. The Roads to Russia. United States Lend-Lease to the Soviet Union. — Oklahoma, 1969. P. 37.
- ⁴¹ Цит. по: Краснов В.Н., Краснов И.В. Ленд-лиз для СССР, 1941–1945. — М., 2008. С. 27.
- ⁴² Советско-американские отношения... Т. 1. С. 59.
- ⁴³ Советско-американские отношения... Т. 1. С. 83–85.
- ⁴⁴ Советско-американские отношения... Т. 1. С. 85–97.
- ⁴⁵ Документы внешней политики. Т. XXIV. С. 341–348.
- ⁴⁶ Документы внешней политики. Т. XXIV. С. 339–341.
- ⁴⁷ Переписка... Т. 2. С. 9–10.
- ⁴⁸ Переписка... Т. 1. С. 43.
- ⁴⁹ Сафронов В.П. Война на Тихом океане. — М., 2007. С. 252–254.
- ⁵⁰ Там же. С. 254–256.
- ⁵¹ До 1935 года Иран официально назывался Персией.
- ⁵² Переписка... Т. 1. С. 40.
- ⁵³ Документы внешней политики. Т. XXIV. С. 14, 48, 61, 86–87, 116, 122–123, 132, 226–231 и др.
- ⁵⁴ Черчилль У. Указ. соч. Кн. 2. Т. 3–4. С. 246.
- ⁵⁵ Переписка... Т. 1. С. 27, 29.
- ⁵⁶ Переписка... Т. 1. С. 27, 31, 33–34.
- ⁵⁷ Документы внешней политики. Т. XXIV. С. 546–551.
- ⁵⁸ Рис Л. Сталин, Гитлер и Запад: Тайная дипломатия Великих держав / Пер. с англ. — М., 2012. С. 181.
- ⁵⁹ Робертс Д. Иосиф Сталин. От Второй мировой до «холодной войны», 1939–1953 / Пер. с англ. — М., 2014. С. 228.